

Мы ловили минтай у западного побережья Камчатки. Большие и малые рыболовные суда, скопившиеся в этой части Охотского моря, напоминали город, когда с наступлением ночи на них вспыхивали бесчисленные огни. Но удивительнее всего слышать в море собачий лай. Раздастся где-то в непроглядной темноте приглушённое дально тявканье, и тотчас откликнется на него другой четвероногий «моряк». А там, слышишь, и целый хор корабельных дворняжек и прочей беспородной братии на разные голоса нарушает тишину холодной мглы. В один из таких поздних вечеров наш сейнер «Нерпа», с трюмом, набитым минтаем, тяжело раскачивался вблизи плавучей рыбообрабатывающей базы. В ожидании сдачи улова моряки собрались на корме, довольные передышкой в работе. Неторопливо курили, обмениваясь впечатлениями прошедшего дня. Неожиданно рядом и вроде бы совсем беспричинно сиплым баском залаял вислоухий пёс. Лохматый, рыжий, с куцым хвостом и с виду неуклюжий, он уверенно стоял на куче сваленных у борта канатов, несмотря на сильную качку. Опершись передними лапами о леер, лениво гавкал куда-то в темень.

– Цыц, глупая псина! Надоел своим тявканьем, – гаркнул рыжебородый боцман Кузьма Рыжов. Пыхнул трубкой и презрительно добавил:

– Дурнее нашего пса на всём рыбацком флоте не сыщешь. Даром только борщи трескает. Вот у нас на китобойце собака была! Чужала, куда кашалот занырнул. Станет, не поверите, возле гарпунёра и лает в ту сторону, где кит должен показаться из воды. Смело беднягу волной во время шторма.

– Ну и заливать, ты, боцман... Кита чуял...

– Да чтоб мне якорем подавиться, если вру, – недовольно проворчал старый рыбак и покосился на продолжающего лаять пса.

– А этот пустобрех все бока возле камбуза отлежал.

– Тебе, что костей, которыми его угощает кок, жалко? – спросил подошедший моторист Костя Завьялов.

– Лентяй... Ест да спит... А ночью лает, – ворчал боцман.

– Ты, Кузьма, хочешь, чтобы наш пёс тоже концы на швартовке таскал да палубу драил? – вступился за собаку Костя. И похлопал себя по голенищу сапога. – Кузька! Ко мне!

Радостно виляя остатком хвоста, перебитого в шторм хлопнувшей железной дверью, пёс подбежал к мотористу, ткнулся мордой в замасленную робу.

– Помолчи, Кузька. Видишь, твой тёзка не в настроении, – погладил Костя собаку, доверчиво улёгшуюся у его ног, – наверно, боцман опять нагоняй от старпома получил за грязь на палубе, вот и нашёл крайнего на ком оторваться.

– Ну, знаешь! Твоя собака гадит где попало, а я со шлангом бегай за ней и смывай... Так, да? Ну, погодите, друзья-неразлучники... – вспылил Кузьма Рыжов и пригрозил, что спишет собаку на берег в ближайшем порту.

Бросив сердитый взгляд на безмятежно лежащего пса, боцман ушёл, сопровождаемый дружным смехом рыбаков.

Неизвестно, была ли в этой угрозе доля правды, но в следующую минуту динамик оповестил о подходе к плавбазе. Мы заспешили на рабочие места, а пёс Кузька побежал вслед за нами, ловко спускаясь или, наоборот, прыжками взбега по ступеням трапа. Он вертелся среди нас, небрежно принюхиваясь к разбросанной рыбе, забавляясь, трогал её лапой. Или стремительно заскочив на шлюпочную палубу, облаивал с высоты моряков плавбазы. За путину мы так привыкли к

Кузьке, что теперь не представляли себя без этой неказистой, смешной собаки. Принёс её на «Нерпу» Костя Завьялов.

Как-то, возвращаясь из города, нашёл он крутолобого, толстенького щенка, жалобно скулившего в бочке, раскатываемой прибоем у самой кромки Авачинской бухты.

– Ни дна вам, ни покрышки, уроды! – помянул моторист недобрым словом тех, кто сыграл со щенком злую шутку. Не раздумывая, он взял щенка и принёс на сейнер. Поднимаясь по трапу, моторист прикрыл его полкой куртки, но проскользнуть незаметно на судно мимо вахтенного матроса, однако, не удалось.

– Не положено, – загородил дорогу матрос. – Боцман не разрешает держать собак на судне. Даст мне нагоняй.

– Я спрячу его... Через пару дней в море выйдем, а там...

Пока Костя препирался с вахтенным, подошёл второй помощник капитана штурман Агеев.

– Это ещё что за рыжий экземпляр? – с напускной строгостью спросил штурман, щеголеватый парень в кожаной «канадке» и модно пошитой морской фуражке-«миче». Не удержался, потрепал пёсика за висячие уши.

– Ишь, рыжий какой! Прямо вылитый наш боцман. Лохматый, как медвежонок. Породистый?

– С родословной. Кавказская овчарка, – не моргнув глазом, ответил Костя.

– Оно и видно – умный, лобастенький. А звать как?

– Кузька! – выпалил моторист первое, пришедшее на ум имя боцмана, за что позже ругал себя.

– Добро, Завьялов, я и вахтенный ничего не видели... – Но ты же знаешь, что собака на судне – боцману соль на рану. Не потерпит Рыжов такого безобразия. Разбирайся с ним потом сам.

– Выйдем в море, боцману не до собаки будет... – сказал Костя, а сам боком-боком и в машинное отделение. Там, в

укромном уголке за дизелем, моторист поставил на бок ящик из-под запчастей, бросил в него старый ватник и уложил на него щенка. Конечно, в этом грохочущем, задымленном отсеке было далеко до комфорта, но всё же лучше, чем в дырявой бочке, пропахшей тухлой рыбой. Поёрзав по резко пахнущим соляром поёлам, щенок мало-помалу обвыкся с непривычной обстановкой. А когда Костя напоил его сгущенным молоком, то и вовсе успокоился, согретый теплом дизеля и рук моториста. Сменившись с вахты, Завьялов вынес щенка наверх, где к маленькому найдёнышу сразу потянулось много сильных и добрых рук. – Какой хорошенький! Какой рыженький! Какой лохматенький! Ну, чисто наш боцман Рыжов! – восклицали моряки, стараясь потрепать пёсика за уши. Протягивали ему колбасу, сыр или кусочек варёного мяса, специально выловленного из своей тарелки с борщом.

– Как ты назвал его, Костя?

– Кузя... Кузьма... Потому, что...

Дружный хохот не дал ему договорить.

– Да ты, что, спятил? Боцман убьёт тебя, как узнает...

– Да я же не специально... Так получилось, – оправдывался Костя. – Штурман спросил, ну я и ляпнул...

Назову его по-другому... Будет Дружок... Или Шарик...

– Не-е... Имя Кузя ему в самый раз подходит... Да, ладно... Не дрейфь... Как-нибудь прорвёмся... Верно, Кузя? Не дадим тебя в обиду... Всей командой грудью встанем на твою защиту, – смеялись моряки. – Ух, он, этот страшный боцман! Мы ещё покажем ему, как вырастем... Да, Кузька?

Смех и шутки сопровождали щенка, пока он с видимым удовольствием поглощал вкусные подношения. И стал Кузька на «Нерпе» полноправным членом экипажа. На стоянках вертелся возле вахтенного, лаял на чужих, охранял судно, а в море веселил нас своими проделками. Правда, не всегда безобидными.

У второго помощника капитана, штурмана Агеева изодрал в ключья книгу, оставленную в каюте на диване. Изгрыз новенький ботинок старшего механика. А у самого Кости распотрошил чемодан, превратил в мочало заграничный галстук, который Костя повязывал в день прихода с моря. Немало повидал Кузька, прежде чем стал заправским «мореходом». Рыбачил вместе с нами в Беринговом, в Охотском и Японском морях, побывал на Чукотке, на Курилах, на Командорах, на Сахалине, в Анадыре и Петропавловске-Камчатском, в Магадане и Владивостоке.

Перед отходом в нынешнюю путину Костя Завьялов чуть было не остался на берегу из-за своего питомца.

Мы уже поднимали трап, когда на пирс прибежали запыхавшийся моторист и высунувший язык Кузька. Как узнали позже, сманили незлобивого пса моряки стоявшего неподалеку соседнего водоналивного танкера. Костя, понятно, догадался по их ухмылкам, что они его увели, но обшарил весь танкер, а Кузька как в воду канул.

– Зря стараешься... Больно нужна нам твоя шавка, – посмеивались моряки водолея.

Но Костя тоже не из тех, кого за здорово живёшь вокруг пальца обведёшь. Поговорка моряков: «Костя плавал, Костя знает, Костю нечего учить», – это как раз про таких, как он. Принялся насвистывать и звать:

– Кузя, Кузя, Кузя!

Пёс и заскулил жалобно в прачечной... в огромном барабане стиральной машины, куда запрятали его незадачливые похитители. Выбрали самый подходящий момент, знали, что сейнер вот-вот отдаст швартовы и некогда будет морякам «Нерпы» искать собаку.

– Эх вы, водовозы... Без воды и ни туды, и ни сюды! – забирая пса, высмеял их Костя. – Своего заведите...

Выговор от старпома за опоздание на судно он тогда получил, но этим дело не кончилось. Главные неприятности начались у Кости с боцманом. А всё из-за собачьей клички. Костя пытался называть его Полканом, Бобиком, Мухтаром, даже Джульбарсом, но прозвище Кузька прочно прилепилось к нему. Вообще-то, Кузькой рыбаки называли его реже. Чаще за огненно-рыжую шерсть, схожую с бородой и шевелюрой боцмана, звали Рыжиком, Рыжим, даже Рыжовым. Иные считали, что самое подходящее имя морской собаке – Боцман. Кто-нибудь, порой, спрашивал с серьёзным выражением давно не бритого лица:

– Рыжего Кузьму не видел?

На что следовал неизменный вопрос:

– Боцмана или собаку?

И это страшно бесило Рыжова, выводило из себя. Каждый в команде, не исключая нашего строгого капитана, стремился завоевать симпатии собаки, ублажая её куском копчёной колбасы или ветчины. Особенно это удавалось коку, у которого для Кузьки всегда находились вкусные косточки и полный черпак макарон по-флотски. И начиналась вышеупомянутая неразбериха.

– Не видел боцмана? – спрашивают.

– На палубе по левому борту возле кнехтов чуть живой валяется... Объялся бедняга плова, – слышалось в ответ.

– Да я не о лохматом... О бородатом...

Другой, напротив, пса Кузьму ищет, а ему на Рыжова указывают. И трудно сказать, что больше возмущало боцмана: то, что пёс оставлял на палубе следы собачьей невоспитанности, или, что с ним путали самого Рыжова. А может, он просто не терпел собак?

Так или иначе, но рыжий бородатый боцман Рыжов очень невзлюбил рыжего лохматого Боцмана Кузьку. Да и судите

сами: кому понравится слышать за обедом такие, к примеру, фразы:

– Боцман сегодня укачался, как салага... На палубе наблюдал... Не ест ничего...

– Настоящий лентяй, этот рыжий Боцман... Нахавается, и на боковую... Все бока отлежал... А жирный стал, как свинья...

– Рыжий Кузьма опять стащил тапочки... Дал ему старые, так нет, уволок новые...

– Рыжий Боцман совсем совесть потерял... Среди бела дня с камбуза окорок уволок...

Разговор, понятно, мы ведём о собаке, но при этом давим косяка на Рыжова, и со стороны не всякий сразу понимает, кого имеешь в виду. Иные остряки, смеясь, даже предлагали, чтобы не путаться и не ломать голову, «выбросить обоих рыжих за борт, да и дело с концом». Не знали мы тогда, что наши незлобивые шутки близки к случившейся вскоре беде, настоящей морской драме. А в ту февральскую промозглую ночь случилось непредвиденное. Погода быстро ухудшалась. На палубу валил снег, смываемый хлеставшими в борт волнами. Сейнер швыряло всё сильнее и сильнее. Рулевому стоило трудов удержать его на безопасном расстоянии от плавбазы, и мы торопились поскорее управиться с выгрузкой минтая. Вдруг в рубку с перекошенным от ужаса лицом влетел Костя Завьялов, в резиновых сапогах, в рыбацкой куртке, облепленной рыбьей чешуёй.

– Боцман за бортом! – срывающимся от волнения голосом, выкрикнул он, лихорадочно сбрасывая с себя куртку и сапоги.

– Какой боцман? Лохматый или бородатый? – спокойно, скорее по нашей давней привычке, спросил вахтенный штурман Агеев, не терявший самообладания и выдержки в самые критические минуты.

– Рыжов упал! Брезент сорвало ветром на шлюпке. Стал он подвязывать, ну и...

Последние слова моториста заглушили звонки колоколов громкого боя. Динамики судовой трансляции объявили тревогу: «Человек за бортом!»

– Ты куда?! С ума сошёл? Сейчас спустим шлюпку! – заорал Агеев, вцепляясь в тельняшку моториста, готового сигануть в клочущее пространство, разделявшее сейнер и плавбазу. – Бросить спасательные круги!

Гиблое дело оказаться ночью в ледяной воде беснующегося моря. В снежной круговерти между двумя стальными громадами, о борта которых глухо бьются тяжёлые волны, не разобрать ничего. Где-то там, в этом плещущем ледяном хаосе, борется за жизнь боцман Рыжов. Надеется на помощь товарищей. Сколько ещё продержится он в холодной воде, покрытой мелкими ледышками?

Костя, а с ним ещё несколько рыбаков, побросав за борт спасательные круги, неистово крутили массивные рукоятки шлюпбалок. Нос сейнера то взлетал почти вровень с бортами плавбазы, то стремительно проваливался вниз, задирая корму, оголяя крутящийся винт. Мы спешно отходили от плавбазы. Ведь если боцман был ещё жив, волны непременно бросят его с неизмеримой силой, ударят, разобьют о корпус судна. До рези в глазах, не теряя надежды на спасение Рыжова, всматривались мы в ревущее пенное месиво, но увидеть боцмана в этом огромном кипящем котле казалось невероятным. Со страхом за судьбу товарища продолжали мы смотреть на чёрную пучину разгулявшихся волн, по которым скользили лучи прожекторов плавбазы, «Нерпы» и других сейнеров, болтавшихся в нескольких кабельтовых от нас. Яркие снопы света выхватывали из плотной мглы мельтешащих, словно мотыльки перед пламенем костра, чаек, белые гребешки

вздымающихся валов, снежные вихри и ничего больше. И ни звука, кроме шума взыгравшего моря и посвиста ветра в снастях.

– Вон, вижу! Слева по борту! – громко прокричал взобравшийся на мачту Костя Завьялов. Уцепившись одной рукой за ванты, другой моторист прикрывал глаза от колючих ледяных брызг. Без шапки, в тельнике и без сапог он, казалось, не замечал пронизывающего жгучего ветра.

В такую качку, рискуя с размаху расколотить шлюпку о борт сейнера, нам всё же удалось спустить её на воду. Несколько матросов с завидной смелостью и молодецкой удалью прыгнули в неё, похватали вёсла и слаженно налегли на них. Путь им указывал луч света от прожектора «Нерпы», в котором то исчезала, то появлялась вновь голова боцмана. Продержится ли он эти последние минуты, еле шевеля в воде заочневшими руками и ногами? На какое-то время шлюпка закрыла утопающего от пристального взгляда всех, оставшихся на палубе, на баке и юте, на ходовом мостике сейнера. Все затаили дыхание.

Но вот, загребая воду, взметнулись на шлюпке вёсла, и мы поняли: она возвращается. Пережив ещё несколько опасных и тревожных моментов, пока люди из шлюпки карабкались на борт по штормтрапу, пока поднимали пустую шлюпку, мы, наконец, облегчённо вздохнули: боцман спасён! Возгласы удивления, недоумения вырвались у всех, кто стоял в эту счастливую минуту рядом с боцманом. Рыжов, стуча зубами от холода и пережитого страха, судорожно сжимал в объятиях такого же мокрого, как сам, пса Кузьку. Немало усилий пришлось приложить, чтобы оторвать от него собаку, разжать занемевшие пальцы, вцепившиеся в собачью шерсть, с которой текла морская солёная вода. В пылу тревоги и суматошной беготни никто и на мгновение не вспомнил о Кузьке. До него

ли было? Когда и почему Кузька прыгнул в море? Рыжов-то, как известно, восторгов к нему не испытывал. Да разве поймёшь собачью психологию? Её безграничную преданность и привязанность к человеку... Может, и не прыгал он вовсе, а слетел за борт, сбитый, как и боцман, порывом ветра, смытый волной. Кто знает? Факт, однако, остаётся фактом. Не удержаться бы боцману на плаву, не окажись рядом Кузька. Случайно или по каким другим собачьим намерениям пришёл пёс на помощь – какая теперь разница? Ведь оба живы!

В боцманской каюте, закутанные в одеяла, они лежали в одной койке, тесно прижавшись друг к другу. Кузька, насухо обтёртый полотенцем, уже согрелся в тёплой постели и норовил вылезти из неё.

– Лежи, лежи, – обнял пса Рыжов и заботливо подоткнул под ним одеяло. С радостными лицами, счастливые, что всё закончилось благополучно, мы с восторженным умилением смотрели на них, столпившись в дверях каюты, молча переглядывались, цокали языками и покачивали головами.

– Ай да Кузька! Вот так Кузька!

Костя протолкался между нас к койке боцмана.

– Выпей, Кузьма Акимович, горячего с дикой малиной... От простуды помогает, – подал он Рыжову кружку с чаем. И добродушно улыбнулся:

– Ну, теперь, рыжие, вы окончательно породнились.

